

Т.И. Заславская

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна — академик РАН, сопредседатель Междисциплинарного академического центра социальных наук.

Вот уже десять лет российское общество переживает процесс перерождения, изменения своей социальной природы путем разрушения старых и создания новых социальных структур и институтов. Меняются формы и отношения собственности, формы политической власти и управления, система правосудия, строй и уклад жизни. Прежние внутренние границы СССР становятся внешними, часто превращаясь в места кровавых конфликтов. Значительная часть народа, не справляясь с предложенными "условиями игры", нищает и люмпенизируется, другая — приспосабливается к новым условиям, меняя систему ценностей, убеждений, потребностей и практикуя новые способы поведения. Таким образом, процесс трансформации российского общества в действительности представляет собою множество сложно переплетающихся экономических, политических и социальных процессов. Однако что во что преобразуется, или от чего к чему совершается переход — пока до конца не выяснено.

В научной литературе сложилось достаточно определенное мнение о сущностных чертах предперестроечного советского общества. Спорным здесь остается скорее название (реальный социализм, государственный социализм, государственный капитализм, административно-командная система и т.п.), чем сущность системы, от которой мы стремимся уйти. Что же касается того, куда идет российское общество, во что превращается отжившая система и каким вероятнее всего будет ее новый лик — здесь встречается множество мнений. Одни продолжают настаивать на том, что цель перехода — "социализм с человеческим лицом", другие твердят о социально ориентированной рыночной экономике, большинство же считает, что Россия движется к обычному капитализму как системе, олицетворяющей свободный рынок. Центральное место при этом занимает вопрос о типе капитализма, который может возникнуть и развиваться в России, "здесь и сейчас". Ведь в современном мире существуют десятки капиталистических обществ, резко отличающихся друг от друга. И россиянам не безразлично, будут ли их дети и внуки жить в условиях цивилизованного, социально ориентированного, правового и демократического капитализма или, напротив, капитализма государственного, монополистического, коррумпированного и почти разбойничьего. Судя по мнениям большинства ученых, развитие страны идет, скорее, по второму пути, хотя момент для перевода трансформационных процессов в более желательное русло пока еще не упущен [1]. Вопрос в том, какой социальный субъект в состоянии "перевести стрелку".

Первым напрашивается ответ: "правительство". В самом деле, кому, как не ему, следовало бы разработать целостную программу реформ, предусмотреть социальные и иные сложности,

обезвредить вероятные силы сопротивления и реализовать свою программу? Теоретически так, но на практике никакое правительство осуществить это не может, ибо действует не в безвоздушном пространстве, а в поле напряженнейших политических сил, каждая из которых борется за свой интерес. Не случайно мировая практика свидетельствует: самые решительные шаги реформаторов чаще всего приводят не к тем результатам, которые планировались, а порой и к противоположным. К тому же процесс, об управлении которым идет речь в нашем случае, слишком сложен, в нем слишком много действующих групп и лиц, наделенных собственной волей и особыми интересами. Но если федеральное правительство не является не только единственной, но и главной силой, ответственной за трансформацию общества, то какие роли исполняют другие действующие лица и в каких отношениях между собой находятся? Иными словами, каков внутренний механизм процесса социальной трансформации нашего общества? Быть может, ответив на этот вопрос, мы сможем лучше понять, в какую сторону движется общество и к чему оно, скорее всего, придет. Отсюда задача этой статьи — описать гипотетическое строение социального механизма трансформации российского общества, что могло бы помочь развитию эмпирических исследований отдельных сторон, элементов, проекций этого механизма. Потому статья близка к статусу исследовательского проекта, научной заявки на теоретико-эмпирическое исследование сложного общественного явления.

В этой связи следует вернуться к категории "социальный механизм", предложенной и использованной нами в прежних работах применительно к развитию экономики. Определение этой категории гласило: "Под социальным механизмом развития экономики мы понимаем устойчивую систему поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг; систему, регулируемую, с одной стороны, социальными институтами данного общества (партией, государством, хозяйственным механизмом, институтами культуры и идеологии), с другой — социально-экономическим положением и сознанием самих этих групп". Определение подкреплялось теоретической схемой, раскрывающей структуру социального механизма развития экономики [2].

Процесс социальной трансформации российского общества богаче и шире процесса преобразования экономики, хотя последний и составляет его "жизненный нерв". Соответственно сложнее и регулирующий механизм. В частности, он включает субъектов, инициирующих социальную трансформацию общества, содержание их социальных действий, а также взаимосвязь этих целенаправленных действий с массовыми процессами, вызывающими сдвиги в институциональной и социальной структурах общества. В случае успеха изучение этого механизма позволило бы более глубоко и системно объяснить движущие силы, закономерности, этапы, достигнутые и вероятные результаты трансформации российского общества.

Элементы интересующего нас механизма изучаются, с одной стороны, весьма широко, а с другой — крайне неравномерно. Современная обществоведческая литература не испытывает недостатка в работами обобщающего характера, где есть попытки так или иначе осмыслить сложившуюся в стране ситуацию в

целом, причем многие из этих работ весьма интересны [3]. Десятки трудов посвящены анализу различных аспектов социальной структуры современного российского общества. Проводятся конкретные социологические исследования, связанные с изменением положения разных общественных групп, притом наиболее пристально изучаются недавно возникшие и развивающиеся группы — предприниматели, новая федеральная и региональные элиты [4]. В исследовательских центрах накапливаются массивы данных о преобразовании социальной структуры населения в разных регионах России, других независимых государствах бывшего СССР, странах Восточной и Центральной Европы [5]. Данное направление исследований развивается довольно активно, но в силу разрозненности ученых накопленные обширные знания не позволяют составить целостное представление о современном состоянии социальной структуры общества и происходящих здесь сдвигах: широко представлены описания конкретных "социальных портретов" больших групп (слоев, классов) населения, занимающих разное место и выполняющих разные функции в обществе; связи же и взаимодействия этих групп, отражающие системность социальной структуры, изучаются слабее и реже [6]. Динамический аспект социоструктурных исследований представлен изучением социальной мобильности, а также сдвигов в сравнительной численности и качественном составе общественных групп [7]. Таким образом, большинство этих исследований относится скорее к "анатомии", чем к "физиологии" общества, отражающей функционирование и развитие объекта. Хотя попытки рассмотреть явления второго рода делаются, и далеко не безуспешно, в целом структура российского общества предстает перед нами как нечто, лишенное внутренней жизни и механизмов саморазвития.

Чтобы преодолеть эту традицию, необходимо подойти к обществу как к организму, способному как развиваться, расти, так и болеть или деградировать. Общество притом следует рассматривать как *макросубъект* своей собственной трансформации, разные элементы которого играют в данном процессе взаимосвязанные и дополняющие друг друга роли. Однако здесь требуется особая методология, ибо ни социальные классы (отличные по месту в общественном производстве), ни вертикально иерархизированные страты (имеющие разный социальный статус) не являются гомогенными "актерами", выполняющими ясно различимые функции и роли в процессе преобразования общества. Попытки отождествить действующих лиц современной российской драмы с социальными классами или стратами не дают хорошего результата. Для адекватного решения задачи нужно изучать не столько социально-экономический, сколько *инновационно-деятельностный* аспект структуры общества. Научная мысль в этом направлении активно работает: в литературе высказывается много суждений о составе и качественных особенностях реформаторских и антиреформаторских сил, о борьбе за осуществление разных вариантов реформ [8]. Однако научная генерализация этой проблемы, на мой взгляд, еще не достигнута. Не обрисовано даже исходное представление об инновационно-деятельностной структуре современного российского общества, способное служить базой конкретных исследований.

В сходном положении находятся и исследования социально-инновационной деятельности. На первый взгляд, она в центре внимания целого ряда общественных дисциплин: социологии, экономики, правоведения. Но в большинстве случаев предметом

анализа служат не макрохарактеристики этой деятельности как целого (с точки зрения ее содержания, структуры, направлений, эффективности), а особенности и механизмы ее отдельных элементов (реализации тех или иных указов Президента, прохождения инновационных законов через Думу и т.п.). В интересующем нас ключе этот предмет не исследован. Намного лучше изучены реакции массовых групп населения на проводимые государством реформы, фиксируемые опросами общественного мнения и специализированными социологическими исследованиями. Известны, к примеру, типичные способы поведения людей в связи с угрозой или реальным наступлением безработицы, реакции населения на инфляцию, задержку или невыплату зарплаты, предпочитаемые способы хранения личных сбережений и прочее [9]. Однако обычно поведение массовых групп изучается само по себе, вне связи с деятельностью реформаторских сил.

Непосредственным фактором изменения общественных отношений служат не инициативная деятельность элит и не обусловленное ею поведение массовых групп населения, а сложные трансформационные процессы, концентрирующие итоги разнонаправленной, но взаимосвязанной деятельности множества социальных субъектов. Примерами таких многосубъектных процессов могут служить спад производства, структурная перестройка экономики, инфляция и движение курса рубля по отношению к доллару, распространение безработицы, поляризация доходов и углубление имущественных различий, акционирование госпредприятий и т.д. Названные процессы изучаются достаточно интенсивно — анализируются причины их возникновения, факторы ускорения и торможения, временные тренды и взаимозависимости [10]. Часть этих процессов, особенно в экономической сфере, в силу своей многосубъектности (или, напротив, "бессубъектности" — в смысле независимости от воли отдельных акторов) в той или иной степени описывается математическими законами, что создает внешнее впечатление едва ли не прогнозируемости общественных перемен.

Однако это впечатление иллюзорно. Во-первых, более-менее изучены лишь простейшие формы социального поведения, закономерности же более сложных процессов пока еще далеко не раскрыты. Во-вторых, социально-экономические процессы, зависящие от поведения людей (ход приватизации, развитие предпринимательства, забастовочное движение, натурализация семейного потребления, рост трудовых затрат населения, распространение двойной занятости и прочее), в лучшем случае изучены в общих чертах. В-третьих, как содержание, так и условия реализации трансформационного процесса в России далеки от экономического равновесия, служащего одним из центральных понятий классической экономики.

Но главное — трансформация российского общества, при всей ее сложности и многомерности, это целостный, единый процесс. Нельзя представлять себе дело так, будто приватизация изменяет один из элементов общественных отношений, либерализация цен — другой, налоговая политика — третий, а политика в отношении банкротств — четвертый. В действительности система общественных отношений трансформируется, не теряя своей целостности как организма, а совокупность направленных на ее изменение целевых и стихийных, экономических и политических, "прогрессивных" и "реакционных" действий влияет на нее как на единое целое. Причем эти действия не просто складываются, а сложно взаимодействуют друг с другом, что слабо изучено наукой. (Одним из примеров такого

взаимодействия служит связь между безработицей и инфляцией.) Соответственно не известны и не прогнозируемы результаты интегрированного влияния этих факторов на трансформационный процесс. Не случайно, как уже отмечалось, деятельность даже опытных реформаторов почти никогда не ведет к намечаемым целям. Подтверждением тому могут служить формирование системы номенклатурной собственности, тотальная криминализация экономических отношений, массовый отток российского капитала за рубеж, стагнация и гибель мелкого предпринимательства (вместо ожидавшегося расцвета), снижение трудовых и предпринимательских мотиваций массовых групп и другое.

Достаточно глубокое изучение этих проблем сдерживается недостатком или отсутствием информации о реальных темпах и результатах трансформационных процессов. Социально-экономическая наука не располагает надежными данными о том, какая доля общественного богатства уже перешла в частные руки, и в чьи именно, какова степень концентрации нового частного капитала. Неизвестна и фактическая структура экономики России и ее регионов по реальным формам собственности и экономических отношений, чаще всего не совпадающим с формальными. Недостоверны данные об объеме валового национального продукта и национального дохода России с учетом теневых, в том числе неформализованных, форм производства. Покрывают тайной размеры действительной прибыли предприятий, корпораций и отраслей, равно как и ее соотношение с прибылью, декларируемой при уплате налогов. Остаются без ответов вопросы о том, как распределяются фонды личных доходов и потребления между населением города и села, разными социальными слоями, регионами, промышленно-финансовыми группами, отраслевыми корпорациями и т.д. Дискутируются вопросы о масштабах бедности и обнищания населения, степени криминализации экономических отношений, доле теневой экономики в ВВП и предпринимательских доходах. Причем похоже, что ответы на эти вопросы наука ищет менее настойчиво, чем журналистика. В то же время утверждения политически ангажированных и стремящихся к сенсациям журналистов, часто опирающихся на случайные данные, не отличаются требуемой надежностью.

Все это говорит о том, что комплексное теоретико-эмпирическое исследование социального механизма трансформации российского общества представляет огромную сложность. Небольшая группа ученых может ставить задачу изучить либо отдельные фрагменты (блоки, связи) механизма общественных преобразований, либо целостный механизм трансформации одной конкретной сферы общества. Поскольку нас интересует социальный механизм преобразований именно как целое, пойдем по второму пути. Не имея возможности охватить всю совокупность сложнейших процессов, ограничимся рассмотрением их части, связанной с трансформацией социально-экономических институтов и социально-экономической структуры общества. Сосредоточим внимание *на механизме преобразования социально-экономических отношений.*

Гипотетическое представление о строении интересующего нас механизма показано на теоретической схеме (рис. 1). Рассмотрим содержание ее элементов и связей.

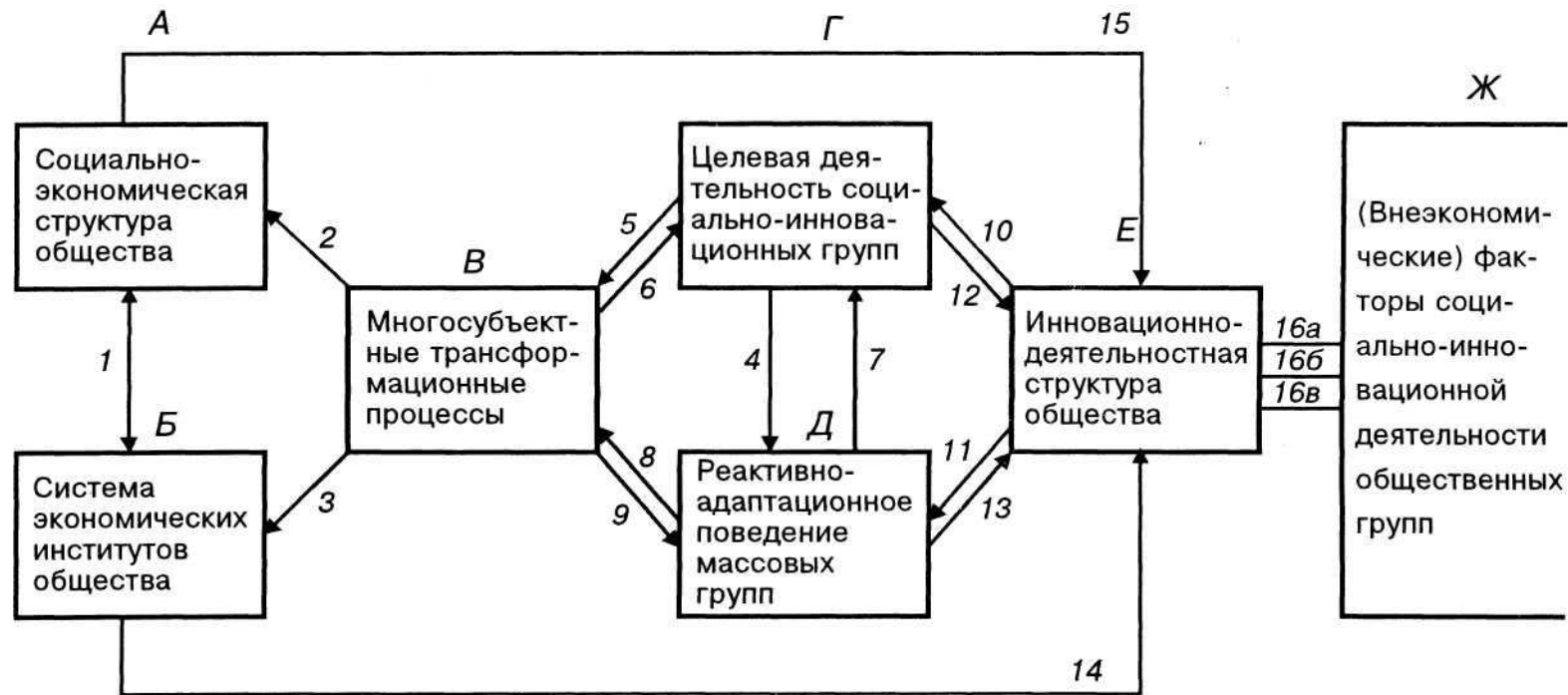
Блок А. Социально-экономическая структура общества. Широко понимаемая социальная структура общества задается совокупностью свойственных ему политических и экономических отношений. Согласно определению, она

"включает в себя деление населения по возрастным, половым, национальным, профессиональным, территориальным и другим признакам" [11]. В силу множественности этих признаков данная структура не может служить целостным предметом эмпирического исследования. На практике изучаются лишь отдельные ее проекции, одна из которых — социально-экономическая подструктура общества. Особенность последней заключается в акцентации социальных групп, которые занимают ключевые позиции в экономике, являются ее наиболее важными субъектами. Социостатусные характеристики групп и слоев, формирующих эту структуру, определяются в первую очередь их местом в системе экономических отношений.

Блок Б. Система экономических институтов общества.

Социальный институт можно определить как "совокупность норм, предписаний и требований, посредством которых общество регулирует и контролирует деятельность людей в наиболее важных сферах общественной жизни" [12]. Система социальных институтов общества — это как бы "другая сторона" явления, описываемого в марксизме термином "система общественных отношений". Оба понятия выражают исторически складывающиеся и закрепляемые в национальных культурах типологические характеристики обществ, проявляющиеся, с одной стороны, в объективных особенностях систем собственности, власти и социальной стратификации, с другой же — в специфике господствующих ценностей, норм, мотиваций, установок и способов поведения людей. В данном случае речь идет главным образом об институциональной организации общественной экономики, обеспечивающей распределение, координацию и стимулирование труда десятков миллионов людей. Главные элементы этой организации — институты общественного разделения труда, собственности на

Механизм социально-экономической трансформации российского общества (теоретическая схема)

материальные и финансовые ресурсы, рынка, предпринимательства, наемного труда, распределения доходов, налогообложения, финансово-кредитных отношений, природопользования и ренты, социальной защиты населения.

Связь 1 фиксирует взаимосвязь социально-экономической структуры с экономическими институтами общества, обусловленную тем, что и та и другие выражают разные стороны единой системы общественных отношений. Любое изменение последней вызывает взаимосвязанные сдвиги в институциональной и социальной структурах общества.

Блок В. Многосубъектные трансформационные процессы. Этот блок символизирует совокупность массовых, как правило, слабо регулируемых, полустихийных процессов, которые опосредуют связь между целевой реформаторской деятельностью, с одной стороны, и преобразованием общественных отношений, с другой. Пронизывая всю толщу общества, именно такие процессы реально преобразуют его структуру и институты. Как всякие социальные процессы, они в определенном смысле субъектны: их движущей силой служат особые формы поведения массовых групп. Но в большинстве случаев это поведение с ограниченным выбором, представляющее почти автоматическую реакцию на внешние обстоятельства и потому более-менее предсказуемое. Так, выпуск в обращение большего количества денег при стабильном или снижающемся предложении товаров неизбежно влечет повышение цен и обесценение рубля. Высокий темп инфляции побуждает рядовых граждан конвертировать рубли в доллары, делать потребительские запасы, а предпринимателей — ускорять оборот капиталов и воздерживаться от долгосрочных вложений. В каждом из подобных процессов участвуют много взаимодействующих субъектов: производители и коммерсанты, поставщики и покупатели, предприниматели и наемные работники, банкиры и производственники, кредиторы и должники — потому мы и называем эти процессы многосубъектными.

Данную группу процессов можно разделить на два типа. Первый образуют модернизационные процессы, составляющие стеновой хребет реформации. Они пишутся на ее знамени, их темпы и результаты служат критерием успеха реформ. К этому типу процессов следует отнести приватизацию общественной собственности, либерализацию рынков труда, капитала, финансов, земли, структурную перестройку экономики (развитие прибыльных отраслей и предприятий; продукция которых пользуется спросом, за счет свертывания неэффективных), декриминализацию сферы экономических отношений, повышение технологического уровня и улучшение экологических характеристик производства, повышение качества жизни людей.

Второй тип образуют сопутствующие процессы, возникающие вследствие удачных или неудачных попыток стимулировать собственно модернизационные процессы. Речь идет о результатах реформ, представляющих "социальную плату" общества за свою отсталость, за потребность в "догоняющей" модернизации и за ошибки реформаторов. К таким преимущественно негативным процессам относятся обесценение рубля, безработица, рост социальной поляризации, обнищание массовых групп населения, коррупция госаппарата, хищническое расходование и уничтожение природных ресурсов и других национальных богатств, рост преступности. Разумеется, модернизационные и "компенсаторные" процессы не разделены железной стеной и нередко переходят друг в друга. Но влияние, оказываемое ими на эффективность трансформации российского общества, противоположно.

Связи 2 и 3 показывают, что непосредственным "орудием" трансформации социальной и институциональной структур общества служат слабо управляемые массовые многосубъектные процессы — такие, как преобразование отношений собственности, создание рыночной инфраструктуры, рост частного и акционерного секторов производства, легализация "теневых" капиталов, сращивание частных фирм с органами власти и другие. Эти процессы преобразуют систему экономических институтов, а через них — социально-экономическую структуру общества: в ее рамках возникают новые элементы, частично распадаются и исчезают старые, меняются критерии выделения и иерархия основных элементов, содержание их отношений и связей.

Блок Г. Целевая деятельность социально-инновационных групп. Этим термином мы обозначаем совокупность сознательных действий, осуществляемых с целью прямого или косвенного воздействия на состояние общественных отношений и институтов. Следует подчеркнуть, что содержание этих действий не ограничивается инициацией и развитием модернизационных реформ. Оно охватывает не только законодательную и управленческую деятельность федеральных, региональных и местных властей, направленную на осуществление реформ, но также деятельность консервативных сил, тормозящих реформы, и оппозиции, стремящейся изменить их направленность, вплоть до смены контрреформами. Для консервативно-оппозиционного направления рассматриваемой деятельности характерны такие формы, как сознательный (часто — организованный) саботаж реформаторских действий властей, нагнетание социального недовольства масс, искусственное обострение конфликтов, а также открытая борьба за власть как легитимными, так и нелегитимными способами.

Сфера целевой социально-инновационной деятельности служит ареной напряженной борьбы различных сил. Тот факт, что на предлагаемой схеме мы не разделяем ее модернизационного и консервативно-реакционного направлений, обусловлен двумя соображениями. Во-первых, конкретные инновационные действия тех или иных групп не всегда можно оценить по критериям общественного прогресса или регресса. Во-вторых же — что особенно важно — каждое социально-инновационное действие вызывает прямые и косвенные последствия, нередко противоположные первоначальному замыслу. Более-менее надежно и справедливо оценить своевременность, эффективность или, напротив, пагубность этих действий можно лишь по прошествии определенного времени (тем большего, чем данные меры серьезнее). Поэтому мы решили сконцентрировать в блоке Г все типы деятельности, направленной на преобразование общественных отношений, независимо от того, реализуется ли она администрацией Президента, некоммунистами или авторитетами мафии. Остается добавить, что главными субъектами целевой социально-инновационной деятельности являются элиты — экономическая (правопослушная и криминальная) и политическая (правящая и оппозиционная).

Блок Д. Реактивно-адаптационное поведение массовых групп. Этот блок отражает поведенческие реакции массовых общественных групп на инновации, осуществляемые элитами (что и фиксируется *связью 4*). Многообразие форм такого поведения сводится к следующим главным типам:

- индивидуальная и/или групповая адаптация, приспособление населения к меняющимся условиям в целях выживания и сохранения социального статуса; конкретно она может выражаться в получении дополнительного образования, повышении квалификации, перемене профессий, совмещении нескольких оплачиваемых работ, организации частного бизнеса, экономии семейных расходов, вынужденном отказе от пользования платными услугами, расширении личных подсобных и садовых хозяйств, развитии семейной взаимопомощи и т.п.;

- использование слабости государственной власти и бездеятельности правоохранительных органов для ускоренного нелегитимного самообогащения и корпорационной наживы;

- фаталистическое перенесение возрастающих трудностей без попытки как-то изменить положение; последовательное сокращение личного потребления, обнищание, истощение защитных сил организма, повышение заболеваемости и смертности;

- саботажное, или латентно-протестное поведение, примерами которого могут служить сохранение колхозно-совхозной

формы организации производства за фасадом "приватизированных" хозяйств, бегство организаций и лиц от налогов и прочее;

- открытое сопротивление попыткам реализовать неприемлемые для соответствующих групп инновации: активная поддержка политической оппозиции, участие в движениях протеста, забастовках, блокадах, демонстрациях, пикетированиях, голодовках, вплоть до вооруженных столкновений с властью;

- в случае невозможности приспособиться к новым общественным отношениям — потеря социального статуса и идентичности, люмпенизация, девиантное поведение (отказ от регулярного оплачиваемого труда, бродяжничество, пьянство, потребление наркотиков, проституция);

- чисто криминальное поведение (финансовые и материальные хищения, мошенничество, бандитизм, наемничество, участие в террористических актах, погромах, поджогах, захвате заложников и т.д.).

Связь 5 выражает "запальную", или "толчковую" роль целевой деятельности социально-инновационных групп по отношению к массовым и глубинным трансформационным процессам. Содержание и масштаб самой этой деятельности недостаточны для изменения общественных отношений в России: при благоприятных условиях она может служить лишь своего рода "пусковым механизмом" широких социальных процессов, соизмеримых с масштабами общества. Но и здесь она далеко не всемогуща, так как процессы общественного развития подчиняются сложным закономерностям и обладают высокой инерцией. Поэтому реформаторы нередко оказываются не в силах ни направить их в новое русло, ни хотя бы притормозить их развитие. Обычно максимум их возможностей заключается в некотором усилении позитивных и торможении опасных тенденций, например, в снижении инфляции, замедлении спада производства, повышении инвестиционной активности предприятий, улучшении социальной защиты населения и т.п. Преобразование же социальной природы общественных отношений требует не только огромных усилий, но и очень долгого времени.

Связь 6 отражает зависимость социально-инновационной деятельности от хода массовых трансформационных процессов. Например, наблюдающийся в последние годы рост социальных различий, поляризация бедности и богатства, с одной стороны, вынуждают правительство усиливать меры социальной защиты неадаптированных групп населения, а с другой — создают условия для активизации политической оппозиции. Углубление системного кризиса экономики требует от реформаторов

сосредоточить усилия на антикризисной программе и не позволяет им заняться разработкой долгосрочной стратегии.

Связь 7 указывает на то, что элитные группы не вполне свободны в выборе направлений своей социально-инновационной деятельности: они испытывают существенную зависимость от реактивного поведения массовых групп. Если их инновации одобряются населением и находят массовую поддержку, то "железо можно ковать, пока оно горячо", развивая и закрепляя реформы. Если же принимаемые властью законы не выполняются гражданами и вызывают протест, то надо признать, что они не учитывают интересы соответствующих социальных адресатов и значит — неудачны. В таком случае необходимо дополнительно изучить ситуацию, уточнить мотивации заинтересованных групп и изменить тактику проведения реформ.

Связь 8 показывает, что многосубъектные трансформационные процессы, преобразующие общественную систему, инициируются, поддерживаются и подпитываются не только соответствующими действиями элит, но и миллионами индивидуальных поведенческих актов, совершающихся во всей толще российского общества.

Связь 9 подчеркивает то обстоятельство, что реактивно-адаптационное поведение масс определяется не только принципиальной оценкой инновационных инициатив элит, но и оценкой их уместности, реализуемости и полезности "здесь и сейчас". Последняя же зависит в первую очередь от результатов трансформационных процессов.

Блок Е. Инновационно-деятельностная структура макросубъекта социально-экономической трансформации. Этот блок характеризует социально-деятельностную структуру современного российского общества, макроуровень которой представлен, с одной стороны, преимущественно элитарными группами, осуществляющими целевую социально-инновационную деятельность, а с другой — массовыми группами населения, на долю которых остается либо приспособление к новым условиям, либо социальный протест и борьба за собственные права.

Связи 10 и 11 выражают зависимость содержания социально-инновационной деятельности и реактивно-адаптационного поведения от структуры соответствующего макросубъекта, особенностей составляющих его групп: их правового, политического и социального статуса, ценностных ориентации, потребностей, интересов, а также целей и стратегий деятельности. Если применительно к массовым трансформационным процессам можно говорить о "бессубъектности" и стихийности, обусловленных участием слишком многих субъектов, то деятельность и поведение всегда субъектны. Субъектами целевых

социальных преобразований выступают либо органы власти (правительство, администрация Президента, Госкомимущество и т.п.), либо конкретные типы элит (лобби аграрно-промышленного, военно-промышленного и топливно-энергетического комплексов, руководители разных политических движений и партий), а реактивное поведение реализуется массовыми группами населения, идентифицируемыми по различным критериям. В практической жизни деятельность и поведение этих групп тесно переплетаются. Так, либерализация цен была осуществлена "командой Гайдара", последовавший за ней взлет цен инициирован коммерсантами и производителями товаров, сокращение платежеспособного спроса на товары — соответствующими группами потребителей и т.д.

Связи 12 и 13 фиксируют влияние результатов социально-инновационной деятельности на структуру ее собственного субъекта. Дело в том, что в критические моменты истории политический и персональный состав лиц, держащих руки на рычагах управления обществом, непостоянен и зависит в первую очередь от успеха осуществляемых преобразований. Так, подавление демократическими силами августовского путча 1991 года привело к роспуску КПСС, формальной ликвидации номенклатурной системы и заметному обновлению правящей элиты страны. Неспособность соратников Горбачева сохранить целостность СССР и существенно преобразовать экономику обусловила уход с политической сцены целого поколения политиков. Глубокие последствия имели и события 3-4 октября 1993 года, закончившиеся роспуском Верховного Совета России, крупными изменениями персонального состава правящей элиты, резким расширением функций исполнительной власти за счет сужения роли представительной.

Но персональное обновление элиты — не единственный механизм обратного влияния итогов реформаторской деятельности на ее субъектов. Большое значение имеет также критическая переоценка использованных стратегий, корректировка собственных взглядов, в ряде случаев — пересмотр политических ценностей и частичное перераспределение реформаторов между разными политическими лагерями. Последнее время дает нам много примеров идейного "перерождения" ведущих политиков, знаменующего перегруппировку общественных сил, а значит и изменение структуры макросубъекта трансформационного процесса.

Связи 14-16 представляют попытку ответа на центральный вопрос: какими факторами обусловлена (от чего зависит) инновационно-деятельностная структура общества, во многом предопределяющая ход трансформационных процессов? На схеме выделены три группы факторов, определяющих эту

структуру: а) состояние экономических институтов общества, б) особенности социально-экономической структуры и в) внеэкономические (социально-демографические, политические и социокультурные) факторы.

Связь 14- Система экономических институтов определяет положение общественных групп в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных и социальных благ. Она формирует и противопоставляет друг другу группы по их месту в разделении труда (например, работников промышленности и сельского хозяйства, ТЭК и ВПК, материального производства и социальной сферы); группы, обладающие и не обладающие частной собственностью ("новые русские" и все остальные); налогоплательщиков и тех, кто существует за счет налогов (производительное население, бюрократический аппарат, пенсионеры); производителей, хищнически использующих природные ресурсы, и тех, кто преждевременно гибнет от экологических катастроф, и т.д. Направления экономических интересов людей определяются институциональным строением экономики. В то же время эти интересы являются одной из важных движущих сил социально-инновационной деятельности и, таким образом, оказывают влияние на инновационно-деятельностную структуру общества.

Связь 15. Испытывая непосредственную и сильную зависимость от состояния экономических институтов, социально-экономическая структура общества опосредует влияние последних на инновационно-деятельностную структуру. Однако ее функции не ограничиваются этим посредничеством — она оказывает и непосредственное влияние на формирование данной структуры, вносит в нее собственный вклад. Дело в том, что социально-экономическая структура представляет, как уже отмечалось, специфическую проекцию многомерной социальной структуры общества. В силу этого она испытывает влияние не только экономических, но также политических и социокультурных факторов. К тому же она носит более инерционный характер, меняется медленнее, чем социальные институты. Так, в результате процесса приватизации исторически сложившийся в нашей стране институт собственности существенно перестроился. Но социально-экономическая структура общества пока еще не успела в полной мере прореагировать на происшедшие в нем изменения.

В условиях устойчивого развития социально-экономическая и инновационно-деятельностная проекции общества хотя и не совпадают, но являются достаточно сходными. Социально-экономическое положение групп во многом определяет их ценностные ориентации, интересы, установки, характер деятельности и поведения. Это позволяет приближенно рассматривать социально-экономические группы (например,

индустриальных рабочих, колхозников, специалистов, "теневиков", номенклатурных руководителей) как относительно гомогенных субъектов развития общественных отношений. Но в переломные эпохи взаимосвязь названных структур ослабляется. Социально-инновационное поведение людей начинает определяться не только (и не столько) их социально-экономическим статусом, сколько такими личными качествами, как предприимчивость, честолюбие, готовность к риску, умение устанавливать нужные связи, работать в "команде", проявлять "моральную гибкость" и прочее. В итоге структура макросубъекта трансформации расходится с социально-экономической структурой. Показанная на схеме связь 15 отражает предположение, что сейчас эти структуры еще достаточно сходны, однако их расхождение ощутимо и, возможно, имеет тенденцию к росту. Одна из важных задач — выяснить масштабы, факторы и динамику такого расхождения.

Блок Ж объединяет основные внеэкономические факторы социально-инновационной деятельности, определяющие ее эффективность. Наиболее важными представляются три группы факторов: 1) социально-демографическое качество населения (*связь 16-а*), 2) социокультурные особенности российского общества (*связь 16-б*) и 3) уровень его научно-технологического развития (*связь 16-в*).

Задача, которую мы ставим перед собой, сводится к тому, чтобы раскрыть конкретное содержание блоков и связей описанной теоретической схемы на основе изучения научной литературы и вторичного анализа социологических данных. Этапы этой работы видятся следующим образом.

Теоретико-методологическое обоснование замысла. Это разработка исследовательского проекта; целевой контент-анализ документов (книг, брошюр, научных докладов, статей), содержащих потенциальные элементы концепции механизма трансформации российского общества; структурирование содержания социально-инновационной деятельности элит, реактивно-адаптационного поведения массовых групп, а также форм их взаимодействия; структурирование процессов модернизации институциональной и социальной структур общества, сопутствующих им стихийно-компенсационных процессов и форм их взаимодействия.

Изучение социально-экономической структуры общества. Предстоит обосновать исходную гипотезу социально-экономической структуры российского общества, методы вторичного анализа данных социологического мониторинга и исследования социальной стратификации в целях решения поставленных задач; идентифицировать и описать основные элементы гипотетической структуры общества на массивах

социологического мониторинга и исследования социальной стратификации; дать со-циостатусные, социокультурные и деятельностно-поведенческие портреты групп, являющихся субъектами трансформационных процессов; обосновать представления об инновационно-деятельностной структуре современного российского общества.

Изучение социального механизма трансформации российского общества. Наша задача на этом этапе — описать основные элементы и связи изучаемого механизма на базе анализа научной литературы, аналитической публицистики и данных социологических исследований; проанализировать функционирование механизма, выявить его сильные и слабые стороны, оценить обеспечиваемую им эффективность модернизации российского общества; исследовать динамику данного механизма в разные периоды перестройки и следующего за ней периода, оценить влияние его **изменений на ход модернизационных процессов.** Попытаемся дать среднесрочный прогноз этих процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: 1994; Ахиезер А.С. Думы о России: От прошлого к будущему. М.: ПИК, 1994; Согрин В. Российская история на переломе: причины, характер, следствия. // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1; Гордон Л., Плискевич Н. Перекрестки российской истории // *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект-пресс, 1995. С. 317-325.

2. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. С. 59-61.

3. См. например, труды международного симпозиума "Куда идет Россия?.." Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И. Заславской. Т.1. М.: Аспект-пресс, 1994. С. 253-314; Т.2. 1995. С.268-328.

4. См. Социальное пространство России // *Круглый стол*. Социол. исследования, 1992. N 3; Левада Ю.А. и др. Советский простой человек. М.: Мировой океан, 1993; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // *Социологический журнал*. 1994. N 1; Зубова Л.Г. Социальное расслоение в России // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*. 1995. N3. С. 27-30; Аврамова Е., Дискин И. Социальные трансформации и элиты // *Общественные науки и современность*. 1994. N3; Кивинен М.

Перспективы развития среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. N2; Радаев В.В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-пресс, 1995. С. 175-179; Сидоренко С.Д. "Underclass" или социальное дно России. Там же. С. 179-183.

5. Например, ВЦИОМ и Интерцентр располагают данными международного исследования "Социальная стратификация в странах Восточной Европы после 1989 года", проведенного в 1993 году в Болгарии, Венгрии, Польше, России, Словакии и Чехии под руководством проф. Д.Треймана и проф. И.Селени (Университет Калифорнии, Лос-Анджелес). В каждой стране, включая Россию, исследование проводилось по репрезентативной выборке из 5 тысяч человек. Кроме того, были опрошены по 500-1000 представителей старой и новой элит.

6. См., например, Перепелкин Л.С. Русские рабочие и современное промышленное производство // ЭКО. 1994. N3; Малютин М. "Новая" элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992. N2; Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества // Общественные науки и современность. 1995. N1.

7. Черныш М.Ф. Социальная мобильность в 1986-1993 годах // Социологический журнал. 1994. N2; Хибовская Е.А. Добровольная трудовая мобильность // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994. N4. С. 33-37.

8. К числу интересных работ в этой области можно отнести: Евстигнеева Л. Стратегические силы реформ // Общественные науки и современность. 1994. № 6; Здравомыслов А.Г. Власть и общество // Социологический журнал. 1994. N2; Могильнер М. Российская радикальная интеллигенция перед лицом смерти // Общественные науки и современность. 1994. N5; Демидов А. Интеграция общества в посттоталитарный период // Общественные науки и современность. 1992. N3.

9. Богатый материал по этим вопросам содержит, в частности, поддерживаемый Интерцентром бюллетень Института народнохозяйственного прогнозирования "Экономический мониторинг России", выходящий два раза в год.

10. Немало знаний по этим вопросам читатель может получить в информационном бюллетене ВЦИОМ, Интерцентра и Академии народного хозяйства "Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения", выходящем раз в два месяца.

11. Социальная структура общества //Философский словарь. М.: Советская энциклопедия. 1986. С. 446.

12. Комаров М.С. Словарь социологических терминов // Введение в социологию. М.: Наука, 1994.С. 295.